

Проблемы техники детского психоанализа в их связи со стадиями развития: прелатентность

Кестенберг Дж. С.

Психоанализ даст каждому пациенту еще один шанс разрешить проблемы, берущие начало в прошлом. Приводя в анализ маленьких детей, родители получают уникальную возможность исправить искажения развития, возникновению которых они сами же и способствовали (Balint, 1968; Anna Freud, 1968). Если родители будут достаточно терпимыми для того, чтобы заново переживать прошлое по мере того, как оно разворачивается в анализе маленького ребенка, и если они готовы согласиться с новыми решениями старых проблем, мы имеем больше шансов на терапевтический успех.

Чем младше анализируемый ребенок, тем больше мы вносим в нашу технику корректив, диктуемых оценкой склада эго пациента, его толерантности к фрустрации, состоянием потребностей и влечений, его чувством реальности, природой объектных отношений и образом жизни семьи (Anna Freud, 1946, 1965, 1968; Pearson et al., 1968). Если мы решили анализировать маленького ребенка, а не руководить действиями его родителей, мы придерживаемся психоаналитических целей и принципов психоаналитического лечения так же, как и с более взрослыми пациентами (Bolland и Sandler, 1965; B. Bornstein, 1931; S. Bornstein, 1933; E. Furman, 1956, 1957; R. A. Furman, 1968; Jacobs, 1949; Harely, 1951; A. Katan, 1959; Kolansky, 1960; Sterba, 1949; и другие). Изменяя скорее технические приемы, чем психоаналитические методы, мы приспособливаем наши интервенции к индивидуальным различиям (Ritvo et al.,

1963) и строим интерпретации в соответствии с доминирующим уровнем развития пациента.¹

Мы пытаемся не только устранить препятствия на пути правильного развития, но и вступить в союз с прогрессивными эволюционными силами, действующими на каждой конкретной фазе (Anna Freud, 1965). Мы используем организующий принцип, который доэдипов ребенок задействует в построении независимого эго, или которому следует эдипальный ребенок при формировании независимого суперэго.

Мы помогаем двух-четырёхлетним детям достичь существенной *интеграции* отдельных достижений, фрагментов воспоминаний, телесных ощущений, слов и понятий. Мы заботливо оберегаем *всеобщее развитие* четырёхлетнего ребенка и помогаем ему справиться с возникающим у него новым неожиданным и сильным возбуждением. Мы помогаем пятилетним детям научиться *различать* детей и взрослых, фантазии и действия, плохое и хорошее, социально желаемое и порицаемое.

Превращаясь таким образом в союзника, мы можем устанавливать терапевтические отношения с очень маленькими детьми, и будем восприниматься как помощники и устранители препятствий, несмотря на те фрустрации, которые мы навязываем во время психоаналитического процесса. Приведенные ниже выдержки из анализа детей, находящихся на доэдиповой и эдиповой фазах развития, иллюстрируют и уточняют вышесказанное.

¹ Анализ маленьких детей и детальное изучение развития двигательных паттернов подсказали мне, что период, следующий за прегенитальностью и предшествующий латентности, можно подразделить на следующие фазы: (1) доэдипова внутренне-генитальная фаза, во время которой прилив генитальных ощущений изнутри тела способствует интеграции отдельных функций в связную структуру эго; (2) фаллически-эдипова фаза, где на смену фаллическому развитию приходит эволюционная потребность в дифференциации, в результате чего происходит интернализация и оформляется суперэго. Более полное описание и классификацию прелатентности см. у Кестенберг (1967, 1968b, 1969).

Иллюстрации

Случай 1

Мортимеру было два года и десять месяцев, когда мать привела его на лечение со следующей жалобой: «Или он невоспитуем, или я плохая мать. У меня такое чувство, как будто он отнимает у меня время и не даст мне жить». Она сильно болела во время беременности, и ей не разрешили больше рожать. Хотя она была подавлена и разочарована тем, что у нее никогда не будет дочери, она хорошо заботилась о малыше Мортимере. Даже когда он был совсем еще маленьким, ей постоянно приходилось сдерживать его. Он всегда находился в движении, до всего дотрагивался, толкался, шумел, бормотал или же произносил что-либо отчетливо, но по сто раз. Он досаждал людям тем, что бил маленьких детей, был жадным и эгоистичным.

У Мортимера действительно присутствовали все черты, обычно ассоциируемые с прегенитальностью. Он хватал и требовал, не признавая ответа «нет». У него бывали вспышки раздражения, он ломал или расшвыривал вещи, противопоставляя свою волю воле взрослых. Он порхал туда-сюда, затапливая пространство потоком слов и телодвижений, лез вперед, откатывался назад и с жадностью тянул повсюду свои руки. Он делал все это с назойливостью, которая свойственна женщинам, (Kestenberg, 1956; Mead, 1956), и вызывал ответное раздражение.

Мортимер внушал людям страх своей обманчивой предрасположенностью к несчастным случаям. Он, казалось, всегда находился в опасности, мог «развалиться», лишиться какой-либо части тела или упасть на пол. Однако он редко когда падал или повреждался, а объекты ломал, только когда ему перечили. Когда я его раздражала, он радостно заявлял, что он меня разобьет.

Следуя за доэдиповым ребенком через страну его иллюзий, вы чувствуете себя исследователем, столкнувшимся с диким племенем, чьи способы общения странны и отличаются от ваших. (Balint, 1968). Для того чтобы понять ребенка, мы должны изобретать средства, с помощью которых мы сможем добраться до жителя и создателя иллюзорной страны (Winnicott, 1965) и помочь ему

уяснить намерения вторгшихся чужаков. Эти процедуры предназначены для того, чтобы вызывать инсайт, и в этом качестве могут считаться воспитательными. Они являются аналитическими, когда помогают сформировать альянс между аналитиком и ребенком, общая задача которых - устранение препятствий на пути построения эго.

С самого начала лечения Мортимер охотно оставлял мать в приемной. Иногда, бегая по моему дому, он говорил: «Где мама?», точно так же, как он мог бы сказать: «Где выключатель?» или: «Я включу, Вы включите. Я могу открыть. Сделайте. Я могу сделать». Кажалось, что каждая такая фраза самодостаточна и равнозначна действию. Роняя слова и вещи, бегая вокруг и устраивая неразбериху, Мортимер заставлял мать волноваться. Он контролировал ее через ее волнение, заставляя ее контролировать на расстоянии его мысли, и через механизм слияния, который он называл *соединением*. Каждый раз, когда я пыталась нарисовать фигуру, не успевала я ее закончить, как Мортимер уже начинал черкать поверх нее. Когда вслед за первой картинкой я начинала рисовать другую, он вновь останавливал меня. Затем он соединял две незаконченные фигурки горизонтальной линией и говорил: «Я их соединю».

Всеми своими действиями и словами Мортимер выражал в быстрой последовательности желание сломать, а потом починить. Мне нужно было найти подходящее средство для исследования этой проблемы. Большой электрический фонарик оказался как раз «то, что надо», чтобы удержать внимание Мортимера и сфокусировать его на его интересе к внутренней механике его тела. Мортимер отвинтил болты, открыл крышку, осмотрел лампочку и обнаружил, как переключатель устанавливает соединение внутри фонарика. Все это время он непрестанно трещал: «У меня получится. Это слишком трудно, я не могу. Сделайте Вы. Я могу, я сделаю. Вы сделайте». Не успев еще передать мне деталь, он уже забирал ее обратно. Невероятно, но при всем при этом он разобрал фонарь и успешно собрал его. Тем не менее, кое-какие механизмы оставались ему неясны, и ему нужна была реальная помощь. Он не мог продолжать свое исследование без меня. Это дало мне возможность объяснить ему, что я не смогу ему помочь, если он

не будет сидеть спокойно и смотреть, что я делаю. Если же мне приходится следить за ним, если его пальцы путаются между моими, и я вдруг обнаруживаю, что он сваливается со стула, я не могу спокойно работать. Это поведение не только заставляло меня тревожиться - я приходила в замешательство, когда он просил меня починить что-либо и одновременно мешал мне, когда я пыталась это сделать. Конечно, потребовалась не одна сессия, чтобы донести все это до него.

Постепенно мне все же удалось доказать ему, что я могу помочь ему разобрать фонарь и вновь собрать его так, чтобы он при этом работал. В то же время я конфронтировала Мортимера с тем беспорядком, который он создавал, и с влиянием этого беспорядка на его окружение. Он понял, что я могу научить его разбирать и собирать фонарь только при определенных условиях, и согласился с этим. Он уяснил, что я хочу помочь ему понять то, что кажется разрозненным, сломанным и бессвязным. Он также знал, что я не буду участвовать в возбужденных играх в собирание и разбирание, потому что я, как человек, помогающий ему правильно собирать вещи, понимать их внутренний механизм и сохранять их функции и целостность, не нахожу эти игры ни полезными, ни приятными.

Между нами установился рабочий альянс (Greenson, 1965; Dickes, 1967), альянс, который поддерживали родители ребенка, поверившие теперь, что я смогу сделать из неисправимого Мортимера полезного гражданина. На тот момент ребенок смог выразить понятный, хорошо организованный страх, мешавший его желанию исследовать внутренность вещей. Когда я попыталась вытащить из фонарика батарейку, Мортимер испуганно воскликнул: «Не надо, не надо, будет дырка».

Теперь Мортимер был готов к началу собственно анализа. Анализ начался три месяца спустя, когда Мортимеру было три года и три месяца. За время перерыва на каникулы его приучили оставаться без матери, ходить на горшок и отправили в детский сад. Этот новый опыт усилил возникшее у Мортимера новое желание - быть большим мальчиком, как его братья, которых он обожал. Чтобы не превратиться ненароком из большого мальчика, каким он теперь был, в маленького ребенка, Мортимер настойчиво убе-

ждал меня в том, что он никогда не был маленьким. Он отказывался признавать свои младенческие и детские фотографии. Он хотел рисовать буквы, квадраты и круги и быть настоящим школьником. Тем не менее, его озабоченность тем, что вещи разваливаются, распадаются и ломаются, мешала амбициям «большого мальчика». Он с большим волнением калякал в «разукрашках» и разрушал созданное. Он ложился грудью на пишущую машинку так, что клавиши цеплялись друг за друга, или из-под него вылетал стул. Бумаги каким-то образом падали, а ластик, карандаш и ножницы пропадали. Он отказывался поднимать упавшие вещи и требовал, чтобы это делала я или его мать. Когда я пыталась говорить с ним, он перебивал меня, все смешивал, менял тему и уходил взять что-нибудь новое с полки с игрушками. Чтобы укротить его, я позвала его мать и попросила ее посадить его на колени, пока я буду с ним разговаривать. Глядя в его напряженное, беспокойное лицо и подстраивая свой голос так, чтобы он был созвучен его паттерну напряженности и в то же время минимизировал его, я сказала: «Вещи выскакивают из твоих рук и выскользывают из твоих пальцев, ты без остановки размахиваешь руками. Тебе нужно, чтобы мама поднимала для тебя все эти обломки. Они твои. Они должны всегда быть с тобой». Мать сказала во внезапном инсайсе: «Я всегда говорила ему, что или он сломает меня, или я его сломаю» (Kestenberg, 1969). После этой интерпретации Мортимер стал намного спокойнее и больше не требовал, чтобы я поднимала вещи, которые он роняет. Стало очевидно, что ему нравится дразнить нас, угрожая сломать вещь или человека, и что ему доставляет удовольствие игра в поломку и починку, представленные в виде некой «совместности». Каждый раз, когда я рисовала что-нибудь интересное, например поезд, черепаху, лошадь или мальчика, он неизменно начинал черкать поверх рисунка, мял его или отрезал от него кусочки. Он часто отрезал у фигурки правую руку и не позволял мне завершить силуэт. Когда я рисовала другую фигурку рядом с первой, он отрезал у нее левую руку и быстро «присоединял» ее к правой стороне первой фигурки. Несомненно, отрезание приравнивалось к уходу от удерживающей руки матери, а восста-

новление совершалось с помощью присоединения своего тела к телу матери.

Все рисунки воспринимались как свидетельство реальной трансформации тел в бумажные образы. Он не позволял мне завершать очертания тел до тех пор, пока я не поняла это и не объяснила ему, что он не превратится в образ, который я рисую на бумаге. Теперь он бывал очень доволен, когда я вырезала фигурку «Мортимера», но вскоре комкал ее, озорно глядя на меня, ожидая, что я расстроюсь или обижусь. Ему потребовалось какое-то время, чтобы убедиться, что никто таким образом не ломается. И все же он был счастлив, когда я сделала нового бумажного «Мортимера», и доверил мне убрать его куда-нибудь в безопасное место. В этот период он стал намного лучше вести себя дома, у него появился друг, и он стал намного лучше функционировать в детском саду.

На следующей фазе анализа доминировала настоящая потребность Мортимера играть с «почтой». Он набивал конверты бумагой и засовывал один большой конверт в другой (предпочтительно, меньшего размера, чем первый), заклеивая набитые конверты длинными полосками скотча. Полоски часто слипались и не могли служить для заклеивания конвертов, и их приходилось выбрасывать. Ему нужна была моя помощь, чтобы отрезать достаточно короткий и ровный кусочек, которым можно было бы заклеить конверт. Снаружи он прикладывал чистый нетронутый листочек бумаги, который с великой осторожностью приклеивал скотчем.

Мортимер обычно игнорировал мой вопрос о том, что, может быть, он хочет набить чем-то свое тело, пока однажды не сказал мне задиристо, что его друг натолкал себе в живот «пупушек». Я поинтересовалась, не те ли это штучки, которые он делает в туалете, но он рассудительно поправил меня: «Нет, это пупушки». Позже ему пришлось сходить в туалет у меня в офисе. Он несколько волновался по поводу стока в раковине и в трубах, но признаков волнения, связанного с утратой фекалий, не было. Со временем мы выяснили, что «пупушками» ласково называл мальчиков отец. Без сомнения, Мортимер, хотел быть набитым маленькими маль-

чиками. Однако желание иметь ребенка не было интегрировано у Мортимера с репрезентацией собственных гениталий.

Однажды я обнаружила, что спутавшийся скотч волокнистый на ощупь. Когда я спросила Мортимера, нет ли у него чего-то волокнистого в яичках, мошонке или пенисе, он предложил снять штанишки и показать мне. Когда я посоветовала ему не показывать, а рассказать, он пошел за мотком веревки. Отмотал длинную веревку, спутал ее, сложил и порезал. Попросил меня положить ее на стол, а сам стал делать точно такую же. Потом он велел мне положить эти одинаковые части в пластиковый пакет и показал мне, как осторожно закрыть пакет, сбив его в кучу, скатав из него шар и обмотав скотчем. Когда это сооружение было закончено, он начал прикреплять белый кусок бумаги снаружи своего конверта, и сказал, чтобы я прикрепляла белую бумагу поверх пакета тоже. Теперь в пакете лежали два спутанных волокнистых шара, и он был прочно запечатан, как обмотанный скотчем кулак. Снаружи, прикрепленный длинной полоской скотча, торчал кусок белой бумаги. Хотя Мортимер уже соорудил образец своей мужественности, он продолжал набивать и запечатывать большие конверты, что я сочла указанием на фантазии о том, что внутри его тела есть дети.

Хотя Мортимер настойчиво стремился к сепарации от матери, он еще не мог выпутать образ своего собственного тела из образа тела матери. Однажды, когда он согласился нарисовать ребенка, из его собственных слов стало ясно, что пересекающиеся линии, которые он нарисовал, репрезентируют одновременно и ребенка внутри матери, и мать внутри ребенка. Черкание отражало его восприятие ощущений, идущих изнутри его тела, ощущений, которые он не мог описать словами. Оттого что чувства его были очень сильны, неконтролируемое черкание разрушало всякую форму, которую он пытался создать. Будучи неспособным удерживать объекты внутри их границ, Мортимер отказывался рисовать или смотреть на мои рисунки.

Наблюдение за тем, как братья увлеченно рисуют завершенные фигурки, усилило его тайное желание создавать формы вместо спутанных линий. Хотя некоторые из этих линий были «соединяющими мостами» (Kestenberг, 1969), они все же скорее разрушали

отчетливые формы, чем создавали их. Перед тем как научиться рисовать фигуры с ясными очертаниями, Мортимер выстроил в уме три отчетливые половые сущности: мальчики-папы, девочки-женщины и мамы. В отличие от девочек-женщин, у мальчиков-пап и у мам были «пиписьки» - чудесная мысль, заставившая Мортимера скакать на кушетке, впервые за время анализа демонстрируя фаллическое поведение.

Тем временем отец Мортимера начал беспокоиться, что у его младшего сына, как ему казалось, существует потребность установить для себя женскую идентичность (Lample-de Groot, 1946). Он пересказал следующий диалог, произошедший между ним и Мортимером.

Отец: Кем ты будешь, когда вырастешь?

Мортимер: Мамой.

Отец: Мамой? Ты не можешь быть мамой, ты мальчик. Кем ты хочешь быть?

Мортимер: Мамой.

Отец (развеселившись, решил забавы ради поспорить с ним): Ты мальчик или девочка? Мортимер: Мальчик.

Отец: Когда я был маленьким, я был мальчиком. Когда мама была маленькой, она была девочкой. Кем ты будешь, когда вырастешь?

Мортимер: Мамой.

Мортимер не хотел отказываться от своей мальчиковой идентичности, но все равно хотел быть мамой. Он прикасался к материнской груди и говорил, что у папы груди внизу. Пока Мортимер мог рассматривать себя как нечто, связанное с матерью, он не испытывал сепарационной тревоги. Когда он значительно продвинулся в формировании образа собственного тела, начали выкристаллизовываться его чувства по отношению к «его маме» как к самостоятельной сущности (Mahler, 1968). Это проявилось на нескольких сессиях, первой из которых была сессия, на которую он пришел не с матерью, а с отцом.

В отличие от предыдущих встреч, Мортимер был напряжен и беспокоен. Несколько раз он вставал из-за стола, чтобы поискать новый материал, и два или три раза заявлял, что он закончил свою работу и хочет идти домой. Он нашел на столе глину и сказал, что не будет с ней играть. Он согласился, чтобы я с ней поиграла, и велел мне слепить из нее маму. Когда фигурка была почти закончена, он прервал свою игру с конвертами и схватил «маму». Когда он оторвал у фигурки кисть правой руки, я сказала: «Бедная мама, у нее нет руки». Он сказал: «Дайте мне скотч, я ей приделаю другую». Я заметила, что для того, чтобы приклеить глину, ему не нужен скотч. Когда он прикрепил новую глиняную кисть, у нее оказалась другая форма, и в результате вся рука стала короче. Я заинтересовалась, не хочет ли Мортимер что-то изменить в своей маме. Он согласился, и я высказала предположение, что он хочет, чтобы мама была такая, как бабушка или как мама Джорджи. Он покачал головой. Я спросила, не хочет ли он, чтобы я была его мамой. Он взглянул на меня, как будто в недоумении, и ответил вопросом на вопрос: «А Вы мама?».

Для Мортимера было очень необычным задавать прямые вопросы, он скорее добывал информацию косвенно. Когда я утвердительно кивнула, что я мама, Мортимер продолжил набивать свой конверт, но вскоре разорвал глиняную маму на куски. Я озабоченно сказала: «Бедная мама». Мортимер сказал, как о чем-то само собой разумеющемся: «Мама дома». Я спросила, не для того ли она остается дома, чтобы ухаживать за Бобби, который сейчас болеет. Мортимер пробормотал несчастным голосом: «Он очень болен, и я приношу ему водички, но я ем один...». «Тебе это не нравится, потому что мама заботится о Бобби, а не о тебе?» - спросила я. Он пробурчат, что он тоже кашляет. Вопрос о том, любит ли мама Бобби больше, чем его, он проигнорировал, но еще сильнее разволновался и опять захотел домой.

На этой сессии Мортимер очень старался нарисовать ребенка. Он нарисовал что-то похожее на «V», это, кажется, были ноги, но потом зачеркнул, сказав, что это буква. Потом, начав заново, он нарисовал горизонтальные черточки на вертикальной линии.

Горизонтальных «волосинок» становилось все больше, но черты лица не появлялись.

Когда я спросила, где они, Мортимер нарисовал несколько кругов в стороне от вертикальной линии. Я поинтересовалась, почему они должны быть вне тела, и он ответил немного грустно: «Я не знаю, как их присоединить». На следующее утро он спросил у матери: «Откуда берутся мамы?». Пораженная, она ответила ему, что мамы и папы делают деток, когда любят друг друга. Они привозят их из больницы. Ребенку стало интересно, но на самом-то деле он хотел знать следующее: «Как это может быть - только одна мама и так много детей?», подразумевая, что у каждого ребенка должна быть своя собственная мама. Мать сказала ему, что у родителей может быть много детей.²

На следующую сессию Мортимер благополучно прибыл со своей мамой. Показывая мне, как можно распечатывать конверты, не повреждая их, он сказал: «*Моя* мама показала мне, как это делается». Все еще занимаясь набиванием бумаги в маленькие конверты, а маленьких конвертов в большой, в тот день он почти не пользовался скотчем. Он хотел быть вместе со своей мамой, но вместо этого пошел на кухню, где начал открывать один за другим множество ящиков, задавая бесчисленные вопросы о тостере и бройлере. По дороге обратно в кабинет он опять не удосужился позвать мать и начал кричать ей, только когда ему напомнили о его первоначальном намерении. Он был рад тому, что она принесла три его рисунка, которые он отдал ей раньше. Он объяснил, что нарисовано на каждом рисунке. Мать сияла: ее ребенок был теперь не только щедрым, но и очень терпеливым. Я сказала, что у него есть много вопросов. Мать спросила его, может ли она рассказать мне о его вопросах про мам. Он дал согласие, но был немного озадачен, как

² Регина, двух с половиной лет, у которой уже были две маленькие сестренки, все время говорила о «своей маме». Она объясняла, что ее мама - только ее, и ей не очень-то хотелось, чтобы у ее сиблингов были собственные мамы. Она тоже спрашивала свою мать, откуда берутся мамы, и ей было сказано, что женщины, у которых рождаются дети, становятся мамами.

если бы он забыл, о чем речь.³ Когда она повторила его вопрос, лицо его озарилось догадкой, и он быстро сказал: «Откуда берутся дети. Из больницы». Таким образом он замаскировал истинный смысл своего вопроса, который выдавал его стремление к матери. Мать продолжила: «Кто делает детей? Мама и папа...». «И Мортимер,» - вставил он. Мать отрицательно покачала головой, и я вмешалась, спросив, действительно ли Мортимер может сделать ребенка. Он очень разгорячился, потом немного смутился. Посмотрел на свои руки, потом на стол и проворчал: «У меня нет...». Потом, быстро вернув свое обычное самообладание, он приказал матери достать карандаши, которые она ему купила. Выбирая нужные цвета, он взволнованно приказал мне принести ему бумагу. Он начал методично отрезать «дырки» по краям блокнотных листков, осторожно роняя полоски бумаги на пол. Успешно справившись с этой работой, он заявил, что он сделает ребенка. На вопрос о том, будет ли это мальчик или девочка, он начал: «М...», посмотрел на мать и сказал: «Девочка». Он нарисовал «V», на этот раз признав, что это ноги, и перечеркнул фигуру горизонтальной чертой. Вместо головы он пририсовал сверху очень маленький кружок, и внутри него нарисовал еще меньшие кружочки - глаза и рот. Он поместил нос на грудь и завершил рисунок тем, что добавил еще несколько горизонтальных линий и каракуль. Закончив, он стал играть с фонариком, не боясь, что «получится дырка».

На следующей сессии Мортимер вновь захотел исследовать мою кухню. Я предположила, что он хочет посмотреть, нет ли у меня там детей. Я взяла из шкафа кукол, чтобы они изображали моих детей, но Мортимер приказал мне вернуть их в больницу. Он хотел поиграть с врачом чемоданчиком, но его желание исследовать кухню было сильнее. В нетерпении он стукнул меня кулаком, с целенаправленностью и силой, указывавшими на фаллическую природу его действия.

На этой стадии анализа произошло качественное изменение реакций переноса. Эта заметная перемена совпала с появлением

³ Интересно отметить, как часто подавление бывает инициировано возникшим у ребенка чувством, что мать не хочет отвечать на вопрос. Мать на самом деле не ответила на его вопрос о том, откуда берутся мамы.

фаллически-эдиповых черт. Если раньше реципиентом его вновь пробудившихся младенческих переживаний была мать, то теперь он испытывал чувства к аналитику, которые проявлялись на сессиях, но отсутствовали дома с матерью.

Во время перерыва Мортимер, казалось, не скучал по мне. Он очень хорошо вел себя дома. И все же по возвращении в мой кабинет Мортимер начал срывать сессии, регрессируя к поведению, которое он давно уже перерос. Ему казалось, что все опять распадается. Он согласился, что ему страшно, что его пенис и яички выпадут оттого что ему хочется открыть свое тело и заглянуть вовнутрь. Однако его поведение не сильно изменилось. Когда я спросила его напрямую, из-за чего он так расстроен, он пробурчал: «Мы переезжаем». Тогда я смогла поговорить с ним о том, как он был несчастен во время моего отсутствия, и как он боится, что после переезда в новый дом, который сняли его родители, он меня больше не увидит. Мы пригласили его мать, чтобы поговорить о новом доме, и чтобы она помогла нам вспомнить или реконструировать более ранние сепарации. Незадолго до того, как ему исполнилось два года, Мортимера оставили на попечение экономки, на то время, пока его родители ездили в Калифорнию. Мы начали играть в игру, где он получает письма от матери; мы делали открытки и рисовали на них картинки. По тому, что он выбрал разноцветную лошадку, я догадалась, что он думает об игрушечной лошадке-качалке. Мать вспомнила, что у них была такая лошадка до того, как Мортимеру исполнилось шесть месяцев. В это время они переехали и отдали лошадку соседу, у которого она оставалась еще год, пока ее в конце концов не выбросили. Утрата матери прочно связалась у Мортимера с утратой лошадки. В переносе он предчувствовал, что он потеряет меня с предстоящим неминуемым переездом.

Как только Мортимер начал проявлять свидетельства фаллически-эдиповых настроений, участились его реакции переноса по отношению ко мне. В доэдиповой фазе его интенсивные инфантильные чувства, оживавшие во время лечения, поначалу разряжались скорее дома, чем в анализе. Все события прошлого он расценивал как взаимодействия между матерью и ребенком, и

обращался с ними так, как если бы они были актуальными. В противоположность обычному аналитическому переносу, такой тип переноса чувств во время анализа, вероятно, можно назвать «переносом на мать».

В процессе разделения я-репрезентаций и репрезентаций матери, Мортимер начал идентифицироваться с матерью вместо того, чтобы сливаться с ней. Одновременно с возникновением интереса ко мне как к воспитывающей материнской фигуре Мортимер стал по-рыцарски внимательно относиться к своей эдипальной матери. Он начал мастурбировать и поделился с матерью радостным открытием, что его пенису «хорошо». Он просил у нее разрешения лечь сверху и обнять ее.

Как это обычно бывает в конце «внутренне-генитальной» и в начале фаллической фазы, Мортимер начал отрицать, что у него есть «яички» (Kestenberg, 1967). Он не включал их в рисунки мужских фигур, и когда его спрашивали, где они, рассудительно отвечал: «Их вообще нет». Он все же нарисовал длинный галстук на материнской фигуре, но спонтанно поправился и нарисовал другую маму, без галстука. Он отрицал, что у него есть мошонка, отбрасывая ее как атрибут женственности. В то же время он перестал наделять мать фаллосом. Теперь, если он регрессировал к старым способам поведения, он объяснял это с мужской точки зрения - идентифицируясь с отцом. Например, однажды он не мог ничего поднимать с пола сам, потому что у него болела спина, как у отца. Поскольку последний объяснил, что у него повреждена мышца, Мортимер заявил, что он родился девочкой и был поврежден. Когда отец выздоровел, Мортимер заверил его в том, что все мальчики в семье вырастут и станут папами. Немного поколебавшись, он добавил, что даже и мама могла бы. Он считал свое детство эпохой женственности и боялся кастрации и за отца, и за себя. Быть большим и идентифицироваться с отцом было по-своему опасно, но эти опасности были отданы прошлому, тогда как будущее было явно связано с приятной мужественностью.

Я показала те последовательные шаги на пути построения эго, которые были выполнены в анализе Мортимера посредством устранения препятствий, мешавших его собственным интегратив-

ным усилиям. Анализируя доэдиповых детей, мы изобретаем технические приемы, которые помогают интегрировать в значимые блоки прошлые и настоящие чувства и фрагменты воспоминаний. Это позволяет детям войти в фаллическую фазу с полноценным эго. Для того, чтобы помочь детям, находящимся на фаллической стадии, выполнить следующую задачу развития, которая требует установления взаимосвязи между нарастающим генитальным возбуждением и эдипальными фантазиями, должны использоваться новые технические приемы.

Случай 2

Выборочные данные, взятые из двух фаз анализа Дори, поясняют изменения в технике, произведенные в тот момент, когда она вошла в фаллическую фазу, и решение завершить терапию, во многом обусловленное потребностью ребенка в уединенности во время эдипальных затруднений.

В отличие от Мортимера, трехлетняя Дори цеплялась за мать, и ее лечение пришлось начать с присутствия обеих на аналитических сессиях. Дори очень быстро поняла, что я помогу ей разрешить проблемы, мешающие ей стать большой девочкой, воспитанницей детского сада. Ее физическая сепарация от матери не могла быть завершена до тех пор, пока она не вспомнит прежние сепарации и утраты привычных объектов и не поймет их значение.

Несколько месяцев Дори рисовала маленькие кружки, которые она закрашивала разными цветами. Она просила меня помогать ей давать названия цветам и смешивать их, пока не добилась искомого «пурпурно-красного» оттенка объекта или части тела, которые она пыталась обрести. Она быстро реагировала на мои рисунки частей тела, всего тела, его наружности и внутренних частей. Она признала свой интерес к фаллосу, но показала, что она ищет что-то еще. Когда она удостоверилась, что я знаю, как помочь ей воссоздать форму, принадлежавшую «пурпурно-красному» цвету, она стала доверять мне и работать со мной одна. Она реконструировала разные события своего младенчества, уделяя особое внимание объектам, которые она утратила и надеялась обрести вновь.

Когда Дори было двадцать месяцев, семья переехала из одной квартиры в другую. Многие вещи Дори исчезли; ее мать была занята грузчиками и малярами, и, в довершение всего, несколько месяцев спустя родился маленький Ник. Однажды Дори нарисовала большой красный стул. Она вспомнила место в родительской спальне, где обычно стоял этот стул, и вспомнила, что родители сидели на этом стуле и держали ее на руках, когда она была младенцем. Дори не нашла красного стула в новой квартире. Мы пригласили ее родителей, чтобы они помогли нам разрешить загадку пропавшего стула. Мы подробно обсудили, что стало с кроваткой Дори, с ее игрушками для ванной и с коляской. Дори понемногу выдавала информацию, которую мы использовали для того, чтобы помочь родителям вспомнить красный стул. Как только они все-таки вспомнили, они объяснили, что его обили новой тканью и поставили в жилой комнате в новой квартире.

Дори молча изображала, как грузчики вытаскивали вещи из ящиков. Она не знала, что было потом, потому что ее отправили к соседке, подальше от суматохи, связанной с переездом (Kestenberg, 1969). Когда родители забрали ее, машина отвезла семью на новое место, где все было по-другому. Если Дори везли куда-нибудь на машине, она всегда бывала расстроенной и сердитой. Она связывала такие поездки с потерей того, что ей дорого, и с сепарацией от матери. Ее поиски той части тела, с которой она хотела идентифицироваться, были связаны с этими утратами.

Однажды Дори попросила меня нарисовать ее отца в мини-юбке. Что-то «пурпурно-красное» свисало у него между ног, что-то, что Дори уже видела и хотела увидеть вновь. Казалось, Дори думает, что у нее у самой есть нечто похожее, но оно у нее внутри, и его не видно. Когда пришла весна, и зацвели тюльпаны, Дори вспомнила, что раньше она бывала в каком-то месте, где были цветы и собаки, и там не было коляски Ника. Это не была старая квартира с красным креслом, это не было новое место. Пытаясь объяснить, Дори вышла из-за стола и подошла к кушетке, чтобы рисовать. Этим действием она указала, что она видела что-то на какой-то кровати. Она попросила меня нарисовать для нее цветок. Когда я нарисовала тюльпан, она перевернула

его вниз головой и просияла. Мы нашли правильную форму для мошонки, которая, кажется, свисала между ног отца (Kestenberg, 1968a). Когда Дори поняла, что у нее нет такой части тела, как похожая на тюльпан мошонка ее отца, она начала задавать родителям вопросы о своем детстве. Она внимательно рассматривала фотографии и помогала реконструировать свои переживания, связанные с неприятной ей няней. Она хотела воссоздать себя в качестве младенца своей матери. Превращение в младенца стало способом создания младенца.

Как только Дори регрессировала, у нее ожили ранние инфантильные чувства, которые она первоначально испытывала скорее к матери, чем к аналитику. Она пыталась превратить свою нынешнюю мать в нянчащую и пеленающую мать «Дори-младенца». Когда она жаждала вновь обрести свою «оральную» мать, она требовала дома, чтобы ей снова давали ее детскую бутылочку; у меня в офисе она играла с игрушечной бутылочкой. Возобновив амбивалентное «приставание» к своей «анальной матери», дома она вновь перестала проситься на горшок; в терапии же она вызывающе разбрасывала вокруг игрушки. Написав на пол в туалете моего офиса, она немедленно позвала мать, чтобы та полюбовалась созданными ею красивыми узорами (детьми).

В анализе нам было видно, как Дори возвращается к старым способам поведения всякий раз, когда фрустрируются ее актуальные потребности. Больно было смириться с тем, что ни бутылочка, ни фекалии не приближают ее ближе к матери. Ни чрезмерное потребление жидкостей, ни удержание фекалий не помогали произвести ребенка и ослабить мучительное внутривлагалищное напряжение.

Когда Дори достигла четырехлетнего возраста, тот способ, которым я помогала Дори вспоминать и добираться до сути, должен был претерпеть значительные изменения. Точно так же как Мортимер, начавший вступление в фаллическую фазу с отрицания того, что у него есть яички, Дори, достигшая фаллической фазы, отрицала, что у нее есть вход во влагалище. Когда я упоминала об отверстии для родов, о котором мы много раз говорили на протяжении предыдущего года, Дори давала по-

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.